

ИДЕИ И ПРАКТИКА: ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПРОЦЕССОВ

П.А. ЦЫГАНКОВ

РОССИЯ В ГЕОПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ПОЛЬШИ

Введение

Кардинальные перемены в мировой политике, начавшиеся после окончания «холодной войны» и продолжающиеся в наши дни, постоянно повышают значение геополитической мысли, что подтверждается ростом количества геополитических центров и лабораторий как на Западе, так и в России. При этом важно определить, что понимать под этим термином, так как существует множество его интерпретаций, а предлагаемые дефиниции нередко противоречат друг другу. Часть приверженцев геополитики трактуют ее как «последнее прибежище рациональности» – т.е. научную дисциплину, опирающуюся на незыблемые объективные законы, позволяющие прогнозировать развитие международной политики (нечто вроде марксистских законов естественно-исторического прогресса). Другая часть отдают дань мистике и субъективизму, апеллируя к неподдающимся «алгебре» «гармониям души» и потусторонним силам мирового разума. Еще одно направление – постмодернистская или критическая геополитика – сосредоточивается на интерпретации и деконструкции так называемых объективных факторов, их социальном и идеологическом происхождении и их связи с властными интересами, утверждая, в частности, тесную связь – единство знания и власти.

Однако, несмотря на все их отличия, важно подчеркнуть, что при любых трактовках главным содержанием геополитики остается конкуренция властных структур, объясняемая их стремлением к контролю над пространством, ресурсами и путями их доставки. В ее основе – соперничество интересов, целей и ценностей, хотя их соотношению может придаваться разное значение в зависимости от той или иной версии геополитики. Иначе говоря, геополитика имеет прямое отношение к конфликтам. Поэтому не случайна и ее актуализация: «Глобализация, – не без оснований утверждает известный немецкий политический деятель и интеллектуал Эгон Бар, – означает также борьбу за власть и расширение зон влияния» [Бар, 2007, с. 68].

В последние годы в геополитике принято различать три структурных элемента. Это формальная геополитика, понимаемая как исследовательская дисциплина – академическая, теоретическая, аналитическая. Это практическая геополитика – соответствующая деятельность политических акторов, связанная с их властными интересами. И это популярная геополитика, связанная с распространением через средства массовой информации и массовую культуру взглядов, касающихся политического пространства [см.: Соловьев, б.г.; Сыкульски, 2011].

При этом в настоящее время, как пишет один из влиятельных авторитетов формальной французской геополитики Филипп Моро-Дефарж, «специфические геополитические явления связаны не с любым соперничеством властных структур в территориальных вопросах, а – что является новым фактором – только с теми его формами, которые находят широкий отклик в средствах массовой информации и вызывают оживленные дискуссии в обществе...» [Моро-Дефарж, б.г.]. Другие представители формальной геополитики уточняют, что современная геополитика вооружена новейшими информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), что позволяет эффективно вести сетевые войны [см.: Дергачев, б.г.]. Достижение и использование преимуществ в ИКТ дает возможность свободно формировать так называемое мировое общественное мнение, поэтому геополитика преследует цель не только популяризации определенной точки зрения, но прежде всего расшатывания иной позиции [см.: Сыкульски, 2011].

В статье ставится цель выявить общее и особенное в современной геополитике Евросоюза и Польши в отношении России. Польша является членом Европейского союза и НАТО. Вполне естественно, что она разделяет их основные внешнеполитические цели и приоритеты НАТО. В то же время Польша, как и другие члены Евросоюза, несмотря на всю глубину объединяющих их интеграционных процессов, остается суверенным государством, сохраняющим собственные национальные интересы. Поэтому не только формальная, но также практическая и популярная геополитика имеют в Польше свои особенности, в том числе – и, возможно, главным образом – именно в отношении России.

Как выглядит современная российская геополитика Евросоюза?¹

В формальной геополитике Европейского союза, при ее общем критическом настрое по отношению к Российской Федерации, можно выделить два подхода: эмоционально-идеологический или ценностный, и рационально-прагматический. Дискуссии между их сторонниками чаще всего не проявляются непосредственно и не носят, как правило, характера прямого столкновения позиций и взаимной критики. Тем не менее различия между ними достаточно существенны.

Заметным является преобладание идеологического подхода. Признавая неизбежность экономического и дипломатического сотрудничества, обусловленного взаимозависимостью России и Евросоюза, его приверженцы настаивают на том, что оно должно ограничиваться рамками «избирательного совпадения» позиций. С их точки зрения, условием доверительного и стабильного сотрудничества ЕС с Россией может быть «только принятие и применение наших фундаментальных ценностей» [см.: Mongrenier, 2011].

Беспокойство представителей данного подхода вызывает то, что «едва восстановившись от всеобъемлющего кризиса, Россия стала удаляться от западной модели и ориентироваться на модель сильного национального государства» [см.: Bayou, 2010]. При этом «...логика власти в России имеет свое внешнее продолжение, и

¹ Более подробно об этом см.: [Цыганков, 2011].

кремлевские руководители трудятся над консолидацией авторитаризма, как и своих экономических интересов... в евразийском подбрюшье (*hinterland*) европейцев» [см.: Mongrenier, 2011]. Иначе говоря, «...Россия сохраняет свои претензии на европейские территории, на вмешательство в европейские дела» [Besançon, 1995, p. 497].

Настойчиво звучит тема раскола, который вносит Россия своей внешней политикой в ряды Евросоюза и НАТО. С этой точки зрения Москва пытается маргинализировать обе евроатлантические организации, развивая сеть двусторонних отношений и играя на расхождении интересов между отдельными странами – членами ЕС и НАТО.

«Геоидеологи» утверждают, что Москва не только осуществляет экономическое давление на свое ближайшее окружение, но и, как показывает пример Грузии 2008 г., не останавливается перед прямой военной агрессией. Это должно заставить ЕС задуматься об усилении собственного силового потенциала в готовности противостоять экономическому и военному наступлению Москвы в постсоветском регионе, который отныне является «общим ближним зарубежьем». Имеющиеся здесь «замороженные конфликты» представляют собой прямую угрозу для Евросоюза. В связи с этим характерно заявление спецпредставителя ЕС по Кавказу о том, что «сегодня, в отличие от того, что было еще несколько лет назад, ЕС располагает необходимыми военными средствами для участия в их урегулировании» [цит. по: Fason, 2007, p. 636].

Антироссийская риторика еще в большей мере характерна для популярной геополитики Евросоюза. Ведущие европейские СМИ, как и лидеры отдельных стран, среди которых особенно выделяются руководители государств так называемой «новой Восточной Европы» – Польши, Чехии, прибалтийских государств, – активно муссируют темы недружественности России во взаимодействии с Западом, авторитаризма Путина и деградации всех завоеваний демократии, якобы достигнутых страной при Ельцине, диктата Москвы в отношении Грузии и Украины и нецивилизованности ее внешней политики в целом, а главное – использования «энергетического оружия» как средства политического давления и шантажа [подробнее см.: Цыганков, Фоминых, 2008].

Что касается позиций рационально-прагматического течения в рамках формальной геополитики ЕС, то их достаточно четко вы-

разил в одной из своих статей С. Сюр: «...Лучше способствовать стабилизации страны, а для этого избегать цинично провоцировать ее старыми методами силовой политики... Европейский союз особенно заинтересован в стабильной и спокойной России как необходимым партнере в области как безопасности, так и экономики» [см.: Sur, 2007].

Современная Россия – это неустрашимый актер международной сцены. Поэтому в вопросах безопасности, так же как и экономического сотрудничества, Европа должна сделать шаг навстречу ей. «Непримиримость России связана с ее восприятием ЕС, который стремится навязать ей свои ценности в одностороннем порядке и таким способом, который она считает неадекватным и унижительным» [Bayou, 2010].

Не отрицая значения ценностных расхождений, а иногда и выдвигая их на передний план в политической полемике с Россией, практическая геополитика Евросоюза также отличается более взвешенными позициями, в основе которых лежат экономические и политические интересы. Характерна в связи с этим Белая книга о внешней и европейской политике Франции на 2008–2020 гг., подготовленная комиссией под общим руководством Алена Жюппе – близкого к президенту Н. Саркози и впоследствии министра иностранных дел в его правительстве. В ней отмечается наличие разногласий, недоразумений и задних мыслей в отношениях Евросоюза и России. Вместе с тем основная мысль, касающаяся этих отношений, звучит так: «Экономическая и политическая взаимозависимость... побуждает нас к сотрудничеству с Россией по многочисленным вопросам, в которых мы имеем общие интересы – от энергетики до иранской ядерной программы» [Juppé, Schweitzer, 2008, p. 68].

При этом, как считает Шатре, поле для маневра у Евросоюза довольно узкое: или он занимает по отношению к России критическую и отстраненную позицию, что чревато риском увеличения напряженности в отношениях с ней в ущерб общеевропейским стратегическим целям; или же он сотрудничает с ней и тогда подвергается большому риску потворствовать удовлетворению некоторых российских целей, в частности, усилению ее влияния в Европе в ущерб интересам ЕС (в частности, в области энергетики и региональной безопасности) [см.: Chatré, 2010].

Так или иначе, «извлечь наибольшие выгоды от ее [России] нынешнего ослабления представляется огромным искушением. Это касается, прежде всего, ее соседей и бывших сателлитов. Их чувства понятны и не могут игнорироваться. И все же это опасное искушение», – констатирует С. Сюр [Sur, 2007].

Таким образом, при очевидном преобладании геоидеологии над геоэкономикой в формальной геополитике Евросоюза в отношении России его практическая геополитика, при всей довольно значительной эмоционально-идеологической составляющей, содержит не менее – если не более – сильный рационально-прагматический элемент. Иначе обстоит дело с польской геополитикой.

Практическая и формальная геополитика Польши в отношении России

Польская геополитика в отношении России, с одной стороны, отражает общее состояние геополитики Евросоюза, а с другой – имеет собственные особенности в этом плане. Отмечая эти особенности, В.А. Гулевич выделяет в современной Польше три геополитические школы: краковскую, с идеями, в значительной мере отражающими общее состояние геополитики Евросоюза; варшавскую, имеющую четкую проамериканскую ориентацию; «ченстоховскую» или континенталистскую. При этом «проатлантистская геополитическая мысль в Польше имеет явный количественный перевес» [Гулевич, 2011, с. 63].

Резюмируя особенности польской геополитики в сравнении с геополитикой Евросоюза в целом, можно сказать, что они характеризуются следующими моментами.

Во-первых, в отличие от геополитики «Старой Европы», в ней наблюдается более тесная связь между формальной и практической линиями: значительная часть представителей польской формальной геополитики поддерживает, обосновывает и аргументирует официальную линию своего правительства.

Во-вторых, практическая геополитика Польши гораздо более идеологизирована. Темы авторитаризма во внутренней политике России, ее агрессивности в отношении соседей и имперских амбиций, «антиевропейскости», «газового шантажа» и стремления расколоть ЕС – все это присутствует – причем в «усиленном вариан-

те» – в геополитическом дискурсе современной Польши. Вместе с тем его отличие от общеевросоюзного состоит в том, что указанные темы доминируют также в официальных документах и внешней политике польского государства [см. подробнее об этом: Корейба, 2011]. Как отмечают российские эксперты, «современная польская политика во многом остается производной от традиционных идеологем и подходов, не подвергшихся до сегодняшнего дня сколько-нибудь существенной ревизии». При этом стремление «Старой Европы» исходить в отношениях с Россией из принципов рациональности и экономического прагматизма польским политическим истеблишментом воспринимается как проявление политической наивности либо цинизма [Бирюков, Савин, 2010, с. 53].

Аналогичным образом польская популярная геополитика не настроена на компромиссы, а тем более на плодотворное сотрудничество с Россией. «Несмотря на некоторое сближение Москвы и Варшавы, репортажи польских СМИ, вещающих на “восточные территории”, по-прежнему выдержаны в крайне русофобских тонах» [Гулевич, 2011, с. 62]

В-третьих, мейнстрим польской геополитики отличается от линии, доминирующей в геополитике ЕС в отношении США. Евросоюз настроен на «уравновешивание» власти Соединенных Штатов и формирование с этой целью собственной квазисверхдержавы со своей стратегией на мировой арене. Напротив, Польша проявляет интерес к сохранению роли Америки в делах Евросоюза, стремясь таким образом «уравновесить» влияние наиболее крупных стран ЕС – в первую очередь Германии – на «новую Восточную Европу». В свою очередь, это не может не отражаться на польской геополитике в отношении России.

Наконец, в-четвертых, идеологическая и прагматическая линии польской формальной геополитики выглядят более контрастными и менее компромиссными по сравнению с формальной геополитикой Евросоюза в целом.

Один из важнейших польских геополитических проектов был сформулирован как концепция прометеизма и направлен против России. Как пишут Бухарин и Ракитянский, как «комплексная, долговременная программа по разрушению бывшей имперской метрополии...», эта концепция была не только идеологией, но и реальной политической практикой [Бухарин, Ракитянский, 2011,

с. 31). В.А. Гулевич считает, что идея польского прометеизма, в 1920–1930-х годах получившая активную поддержку маршала Ю. Пилсудского, и сегодня остается востребованной в польском экспертном сообществе [Гулевич, 2011, с. 62].

«В предвоенный период польские правящие элиты вместо решения актуальных проблем экономики и государственного строительства увлеклись утопическими проектами, направленными на возрождение Речи Посполитой *“от моря до моря”*» [Бухарин, Ракитянский, 2011, с. 32].

Ключевым для современной польской практической геополитики является восточный вектор, направленный, прежде всего, на Украину и Белоруссию. Обосновывается, что ближайшее политическое и экономическое сотрудничество должно приблизить их к Европейскому союзу и ускорить стремления на членство в ЕС. В более конкретном плане речь идет о Восточном партнерстве, касающемся отношений ЕС с государствами Восточной Европы – бывшими республиками СССР. Что касается России, то в официальных декларациях подчеркивается, что польское предложение не направлено против нее. Более того, к нему мог бы присоединиться и Калининградский регион.

Однако в целом политика Восточного партнерства не ориентирована на сотрудничество с Россией. Более того, ее антироссийский смысл, состоящий в отрыве от России и противопоставлении ей новых независимых государств – в первую очередь Украины и Белоруссии, – отмечается не только многими российскими, но и некоторыми польскими наблюдателями. По их мнению, в польском политическом истеблишменте существует консенсус относительно того, что «повышение международного статуса Польши, укрепление национальной безопасности возможно только при ослаблении России и ее вытеснении из Центрально-Восточной Европы» [Корейба, 2011, с. 67].

Как пишет Пшемислав Серадзан, идея объятия Восточным партнерством Калининградской области – это очевидная попытка отрыва от России этой чрезвычайно важной геостратегической зоны [Серадзан, б.г.]. С точки зрения приверженцев прагматического течения польской формальной геополитики, Восточное партнерство является воплощением сформулированной Юзефом Пилсудским после Первой мировой войны концепции «Междуморья» – конфе-

дерации восточноевропейских государств на пространстве между Адриатическим, Балтийским и Черным морями [Корейба, 2011; Серадзан, б.г.; Сыкульски, 2011]. Вместе с тем, пишет Серадзан, возрождение идеологии прометеизма совпадает с евразийской стратегией США. При этом он опирается на анализ Э. Бара, который показывает, что еще во время своего первого визита в Польшу Дж. Буш «сформулировал цель, тогда еще не везде воспринимавшуюся всерьез, – создание “моноконтинентального моста” от Балтийского до Черного моря. У кого была перед глазами карта, тот видел, что вторая опора этого “моста” – это Грузия и Кавказский регион» [Бар, 2007, с. 65]. Близкие взгляды высказывает и руководитель Европейского центра геополитического анализа Мартин Домагала [Домагала, 2011]. При этом польский геополитолог достаточно откровенно отмечает, что «целью восточного партнерства является не только стабилизация партнерских стран, но и подготовка удобного трамплина для более дальней экспансии на восток...» [Домагала, 2012, с. 78] и что «внедряя ЕПД [Европейскую политику добрососедства], Европейский союз ведет также своеобразную предупредительную войну невоенного характера, имеющего в виду исключение главной угрозы для своего общественного и экономического функционирования» [Домагала, 2012, с. 81]. Он высказывает обоснованные сомнения в том, что предлагаемая Евросоюзом политика добрососедства, являющаяся «в определенной степени выражением колониационной миссии Европы» [Домагала, 2012, с. 85], принесет странам-соседям реальную пользу. Вместе с тем М. Домагала утверждает, что «смотря на страны, соседствующие с Европейским союзом, как страны, которые *находятся на низшем уровне развития цивилизации* (курсив наш. – П.Ц.) – можно констатировать, что европейская политика для них выгодна» [Домагала, 2012, с. 86].

Однако в целом в польской геополитике в ее формальном, популярном и даже практическом проявлениях доминирует эмоционально-идеологический подход к отношениям с Россией¹.

¹ Для польской политической элиты, пишет Я. Корейба, «отношения с Россией не являются лишь игрой национальных интересов, они имеют трансцендентное измерение. Польско-российские отношения – это борьба добра и зла, света и тьмы, цивилизации с варварами, прогресса с регрессом, Европы с Востоком. Поэтому, по их мнению, любая уступка российской стороне является не про-

Какие же причины лежат в основе преобладания ценностно-идеологической линии геополитики ЕС и Польши над рационально-прагматической?

Неизбежно огрубляя, такие причины можно свести к следующим факторам.

1. Геополитики «старой Европы» убеждены в том, что Европейский союз может реализовать свою цель – стать глобальным политическим актором с общей внешней политикой – только при условии достижения военного могущества и обретения внешнего врага [см.: Gouliani, 2010; Barbe, б.г.]. В Польше поддерживают идею о том, что подходящим кандидатом на эту роль в числе других стран (таких, как, например, Иран, Северная Корея) оказывается и Россия.

2. Экономические интересы Евросоюза в его сотрудничестве с Россией. Здесь на одной чаше весов – выгода от совместных проектов, связанных с освоением и эксплуатацией природных ресурсов, все еще сравнительно дешевой рабочей силой и малоосвоенным обширным рынком. На другой чаше – соображения конкуренции, поиски преимуществ, стремление сбить цены на энергоносители, а также слабое знание (или неприятие) особенностей российской культуры и несовпадение ценностей в этой сфере. Влияют также упорное отстаивание российской стороной своих собственных интересов, все еще несовершенное законодательство России в сфере прямых иностранных инвестиций, коррупция в среде российского чиновничества. Наконец, важный фактор – общее ужесточение глобальной конкурентной среды, мировой финансово-экономический кризис... Отсюда *геополитизация* и идеологизация не только экономического соперничества, но и экономического сотрудничества.

3. Относительное укрепление России не позволяет игнорировать ее опасения, связанные с приближением этого по-прежнему преимущественно военного блока к ее границам. Поглощение альянсом Грузии и Украины пришлось отложить на неопределенное время после кавказского кризиса в августе 2008 г. Это также стало дополнительным стимулом для критики «агрессивной», «имперской», «милитаристской» и т.п. политики России в ближнем зарубежье [см. об этом: Brigot, 2000, p. 553].

4. Еще один из факторов, объясняющих ценностно-идеологические приоритеты геополитики ЕС, состоит в том, что геополитические центры не могут абстрагироваться от влияния интересов финансирующих их различных кругов политического и делового мира стран Евросоюза.

Вышеотмеченные общие для ЕС факторы дополняют польские «особые» интересы:

а) раскол между «старой» и «новой» Европой существует и по линии практической геополитики: если Франция и Германия ориентируются на создание независимого от США военного и политического центра, то Польша стремится вместе с Англией играть роль верного союзника Америки в Европе, в том числе и в отношениях с РФ. Поэтому не случайны заявления ее руководства, что Польша за время своего председательства в ЕС будет создавать фонд международной солидарности, который займется продвижением демократии в других регионах мира;

б) геополитика Польши призвана повысить статус страны в ЕС. Польша небезуспешно позиционирует себя как «главного специалиста ЕС» по новым независимым странам и России, с мнением которого Брюссель должен считаться в своей внешней политике;

в) помимо союза с США и повышения своего статуса в ЕС Польша стремится играть роль самостоятельного игрока – лидера Восточноевропейского региона. Подобные амбиции связаны с мифами мессианства и убеждением в том, что достижение данной цели возможно только при условии вытеснения из этого региона России. «Официально европейские политики и чиновники всегда гневно отвергали предположения о том, что данный институт направлен на ослабление роли России, но ни малейших сомнений в этом не было ни у кого. Чем и была обусловлена негативная реакция Москвы» [см.: Лукьянов, б.г.];

г) лимитрофная преемственность польской практической геополитики, которая, по мнению российских ученых, проявляется и в новых условиях Европы начала 1990-х годов, «с той лишь разницей, что тогда Польша была лимитрофом Франции, Англии и Ватикана, а в настоящее время – США. Польша выступает восточным форпостом НАТО в Европе, являясь одновременно инструментом и субъектом дестабилизации и напряженности» [Бухарин, Ракитянский, 2011, с. 32];

д) российско-польские отношения отягощены грузом взаимного недоверия, связанным с «неоднозначным» историческим наследием. Как пишет А.С. Запесоцкий, «...когда на Западе возобновляются разговоры об исконной дикости и непредсказуемости России, в нашей стране находятся желающие вспомнить диких крестоносцев, предавших огню и мечу христианский Константинополь. Когда Польша поднимает вопрос о расстреле своих офицеров в Катыни, в России вспоминают о массовом убийстве пленных красноармейцев на заре существования Советского государства» [Запесоцкий, б.г.];

е) особенности менталитета польской политической и интеллектуальной элиты. Российские политические психологи в психологическом портрете польской элиты выделяют «три исторически сложившиеся и в настоящее время актуализированные, наблюдаемые психологические доминанты: *истероидную, психопатическую и психоастеническую*. Они находятся в сложном диалектическом взаимодействии, рекомбинируясь и реактивируясь при изменении внутренних и внешних политических и экономических условий». [Бухарин, Ракитянский, 2011, с. 107–108]¹.

Возникает вопрос: возможно ли преодоление крайностей, мифов, идеологем и стереотипов в практической геополитике Польши в отношении России, хотя бы на том уровне рациональности и прагматизма, который свойствен для ЕС? Действительно ли достаточным условием выстраивания конструктивных взаимодействий может оказаться переход от традиционной идеологизированной геополитики к геоэкономике? [Бирюков, Савин, 2010, с. 61].

Нынешнее потепление польско-российских отношений – если не согласиться, что оно носит не зависящий от польского правительства и, следовательно, временный характер [Корейба, 2011, с. 74], – дает некоторые основания для осторожного оптимизма. Вместе с тем следует учитывать, что для его развития от Варшавы потребуется, в частности, сближение Восточного партнерства с действительно равноправным партнерством ЕС – Россия и Польша – Россия (о «добавленной стоимости» подобного сближения

¹ Стоит заметить, что, как подчеркивает в Предисловии к книге политический психолог А.И. Юрьев, речь идет о специальной психологической терминологии, в которую авторы не вкладывают упрощенного, «уличного» смысла [Бухарин, Ракитянский, 2011, с. 13].

для Польши [см.: Мальгин, 2011]). Насколько реально подобное сближение, принимая во внимание давление исторической памяти и многовековой мифологизации польского менталитета¹, покажет будущее. Однако уже сегодня ясно, что, как пишет Л. Сыкульски, «безопасность польским гражданам наверняка не обеспечит авантюрная политика вбивания клина между странами Западной и Восточной Европы, а также политика, направленная на конфронтацию ЕС и России» [Сыкульски, 2011].

На наших глазах происходят стремительные и радикальные изменения в глобальной архитектуре безопасности, во всей структуре миропорядка. Современный кризис европейского и всего мирового порядка, новые вызовы (в том числе в экономике, финансах, энергетике) требуют не конфронтации и «раскапывания» прошлых обид и трактовки с этих позиций современных событий, трудностей и проблем. Они требуют от всех субъектов международной политики углубленного диалога и совместных поисков решений, от адекватности содержания которых будет зависеть и общее будущее.

Литература

- Бар Э.* Стратегические интересы Европы // *Internationale Politik*. Новая восточная политика. – Берлин, 2007. – № 2. – С. 62–71.
- Бирюков С., Савин В.* Германия – Польша – Россия: Зона конфликта или пространство диалога? // *Мировая экономика и международные отношения*. – М., 2010. – № 5. – С. 52–61.
- Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М.* Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 944 с.
- Гулевич В.А.* Геополитическая ситуация у западных границ Евразийского союза // *Геополитика: Информационно-аналитическое издание*. – М., 2011. – Вып. 13. – С. 59–64.
- Дергачев В.* Геополитика новейшая // В. Дергачев. Русская геополитическая энциклопедия. – Режим доступа: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopedia/04/23.html> (Дата посещения: 14.06.2012.)

¹ Как считает Я. Корейба, «...пока историческая память не подвергнется масштабной эволюции (а для этого нужна смена нескольких поколений), парадигма отношений [Польша] с соседями вряд ли может существенно поменяться» (Корейба, 2011, с. 74).

- Запесоцкий А.С.* Культурные различия и международное сотрудничество. – Режим доступа: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/1346> (Дата посещения: 14.06.2012.)
- Домагала М.* Геополитическое измерение европейской политики добрососедства // *Геополитика*. – М., 2012. – Вып. 13. – С. 65–87.
- Домагала М.* Стандарт ЕС – это демократия, но только на условиях Запада! – 9 июня 2011. – Режим доступа: <http://www.chaspik.info/bodynews/7936.htm> (Дата посещения: 14.06.2012.)
- Корейба Я.* Историко-идеологические основы внешней политики Польши в отношении европейских стран бывшего СССР // *Восточная Европа. Перспективы*. – М., 2011. – № 2. – С. 63–75.
- Лукиянов Ф.* Безопасное Восточное партнерство. – Режим доступа: http://inosmi.ru/op_ed/20111003/175485614.html (Дата посещения: 14.06.2012.)
- Мальгин А.В.* Россия и Польша сквозь призму «восточной политики» Евросоюза // *Восточная Европа. Перспективы*. – М., 2011. – № 2. – С. 6–19.
- Моро-Дефарж Ф.* Глава 6: Геополитика и Франция // *Введение в геополитику*. – Режим доступа: http://www.democracy.ru/library/misk/introduction_in_geopolitics/page7.html (Дата посещения: 14.06.2012.)
- Серадзан П.* «Восточное партнерство» ЕС или рецидив Междуморья. – Режим доступа: <http://geopolitica.ru/Articles/241/> (Дата посещения: 14.06.2012.)
- Соловьев Э.Г.* Современная американская геополитика. – Режим доступа: http://www.perspectivy.info/oykumena/amerika/sovremennaja_amerikanskaja_geopolitika_chast_2_geopoliticheskij_revizionizm_osnovnyje_trajektorii_2010-12-15.htm (Дата посещения: 14.06.2012.)
- Суханек Л.* Понять Россию. Как поляк должен смотреть на Россию: Доклад на российско-польской конференции «Россия и Польша: Проблемы взаимного восприятия», Москва, 23–24 сентября 2011.
- Сыкульски Л.* Геополитические мифы Джорджа Фридмана: Взгляд из Польши. – 5 января 2011. – Режим доступа: <http://hvylya.org/special-projects/translations/8959-2011-01-05-15-41-28.html> (Дата посещения: 14.06.2012.)
- Цыганков П.А.* Французская школа геополитики в 2000-х годах: Отношения ЕС и России // *Международные процессы*. – М., 2011. – Т. 9, № 2 (26). – С. 36–47.
- Цыганков П.А., Фоминых Ф.И.* Антироссийский дискурс ЕС и его причины // *Общественные науки и современность*. – М., 2008. – № 8. – С. 36–47.
- Juppé A., Schweitzer L.* La France et l'Europe dans le monde. Livre blanc sur la politique étrangère et européenne de la France, 2008–2020. – P.: La Documentation Française, 2008. – 222 p.
- Chatré B.* Le contexte du rapprochement UE-Russie. – 24 mars 2010. – Mode of access: <http://www.afri-ct.org/Le-contexte-du-rapprochement-UE> (Дата посещения: 14.06.2012.)
- Barbe A.* La puissance européenne en question. – 26 mars 2010. – Mode of access: http://www.afri-ct.org/spip.php?page=imprimer_articulo&id_article=2277&lang=fr (Дата посещения: 14.06.2012.)

- Bayou C.* Russie-Europe: Un regard empreint de méfiance. – 15 octobre 2010. – Mode of access: <http://www.diploweb.com/Russie-Europe-un-regard-empreint.html> (Дата посещения: 14.06.2012.)
- Besançon A.* Les frontières orientales de l'Europe. Les cas russe // Commentaires. – P., 1995. – N 71. – P. 493–500.
- Brigot A.* «Persistance et utilité des recherches de géopolitique» // Études internationales. – P., 2000. – Vol. 31, N 3. – P. 539–558.
- Facon I.* Russie-Union Européenne: L'enjeu du voisinage commun // Annuaire Français de relations internationales. – P., 2007. – Vol. 8. – P. 620–637.
- Gouliani J.-D.* Une politique étrangère européenne est-elle possible? – Mode of access: <http://www.diplomatie-presse.com/?p=3378#more-3378> (Дата посещения: 14.06.2012.)
- Mongrenier J.-S.* Le «nihilisme juridique» russe et la géopolitique Russie-Occident. – 23 janvier 2011. – Mode of access: <http://www.diploweb.com/Le-nihilisme-juridique-russe-et-la.html> (Дата посещения: 14.06.2012.)
- Sur S.* La Russie. – 1 septembre 2007. – Mode of access: <http://www.afri-ct.org/La-Russie> (Дата посещения: 14.06.2012.)